

САДАЙ БУДАГЛЫ

РАССКАЗЫ

Перевод Динары КАРАКМАЗЛИ

Дорожный разговор

Домой? Садись, подвезу. Да нет никакого беспокойства, все равно мне ехать через ваш район. Ты ведь живешь возле метро «Нариманов»? Верно? Ну, садись. Мы все ведь товарищи по работе, большую часть времени вместе проводим, но не ко всем нас тянет. Не все по душе. Ты ведь год, как работаешь у нас? Это немало. Но это ничего не значит. Чтобы человека узнать, надо с ним вместе пуд соли съесть. Бывает и так: долгое время живешь с ним под одной крышей, а человека не знаешь. Многое зависит от обстоятельств. Иной раз обстоятельства так оборачиваются, что у человека, которого ты считал близким, вдруг проступает другое лицо. Что поделаешь... жизнь... Живя, понимаешь, что к чему. Я уже десять лет здесь работаю, но редко кого к себе домой приглашаю, с семьей знакомлю. Я же не говорю – всех избегай, ни с кем не дружи. Нет, отношения ни с кем нельзя портить. Но не всех подпускай к своему сердцу. А не то откроешь кому-то душу, а потом он тебя по больному месту и стукнет. Так мир устроен. Если ты слаб, тебе крышка. Ты мне в сыновья годишься, у тебя вся жизнь впереди. Постепенно ты сам сможешь в корень зреть.

Знаю, что ты женат, дети есть. Мальчик? Да хранит его Господь. Вижу, что ты со здешними девушками иной раз заигрываешь. Да нет, это ничего. Повеселиться не грех. Иногда даже можно и границы дозволенного переступить. Дело молодое... Мужчине иной раз не мешает и «налево» свернуть, но у всего есть мера. Надо, чтобы тебя в первую очередь в семье почитали, уважали, как мужчину. А если ты будешь скакать: Фигаро там – Фигаро здесь, не будешь знать, что в твоей семье творится, откуда пришли, куда пошли, что едят, что пьют, то тогда – какой же ты мужчина? Вначале для тебя – дом, затем – то, что за его пределами. Если ты, как настоящий мужчина, можешь содержать семью, то тогда можно иной раз и оглядеться. Это я так, к слову, слава Аллаху и сам ты умный малый. И у меня бывали веселые деньки, и меня женщины баловали. Я не позволял себе скучать. Все мы божьи создания. Но такие вещи надо делать с умом, не давать чувствам воли. Я сам семь раз отмерял, прежде чем на что-то решаться. Было и сплыло. Кесарю – кесарево... А если ты чувства включаешь – пиши пропало. Совесть начнет мучать. Ее жизнь станет твоей жизнью. Ее смех, походка, взгляд, все – все для тебя будет иметь смысл, все-все в ней для тебя заговорит. Всему будешь придавать значение, все начнешь интерпретировать – отчего сегодня так посмотрела, отчего вчера так улыбнулась?.. А хуже беспокойства нет ничего. Не говоря уже о том, что сердце твое раздвоено, хочешь-не хочешь, дома ты – в одном обличье, а на стороне – в другом. А жена – это такое создание, которое сразу улавливает в тебе малейшие изменения. А если она что-то почувствовала – все, она уже не успокоится, пока не докопается до истины, пока не отомстит. Читал «Тысячу и одну ночь?» И даже посреди пустыни девушка, которую похитил див, находит возможность отомстить обидчику. И причем около самого дива. Осторожно снимает со своих колен голову дива и кладет ее на землю, затем приручает одинокого мужчину в степи к близости с нею. Вот такое создание женщина.

Если что захочет, меж двух огней совершит. Ей нельзя давать повода. Поэтому в таких делах не следует прислушиваться к чувствам, а следует действовать с умом. К тому же и для тебя так лучше. Ведь зачем мы на протяжении всей жизни трудимся, для чего? Хотим иметь крышу над головой, семью, работу. Чтоб мы не беспокоились о завтрашнем дне. Мы всегда стремимся к этому. И потом, стоит ли рисковать всеми этими благами ради вдруг ударившей в голову мысли – мол, я влюблен? И ради этого все перевернуть вверх дном, свой дом затопить? Стоит ли? Если эта так называемая «любовь» сведет меня с ума, лишит уважения в семье, на работе, то на черта она тогда мне сдалась? Все говорят «Меджнун», «Меджнун», но спроси – кто хочет быть Меджнунном?

Я в семье веду себя строго. Никто в доме не смеет мне перечить. Это не потому, что я во всем прав. Надо, чтоб тебе верили. Это главное. И к ошибкам своим следует подходить правильно. Если однажды признаешься в том, что в чем-то был неправ, то назавтра они начнут сомневаться и в твоём правом деле. У меня один сын и одна дочь. И с ними у меня бывают нелицеприятные беседы. Бывало даже, что с сыном я говорил, к примеру, как с тобой. Я завесу между нами не признаю – не думаю о том, что стыдно, такое мне в голову не приходит. Ведь не могут же посторонние любить его сильнее меня? Тогда отчего я должен проявлять излишнюю щепетильность? Когда я вижу, что он в чем-то ошибается, не тем углом зрения обзоревает, то кто должен наставить его на путь истинный? Разумеется, я. Это я должен стать его другом. Дочь свою выдал замуж. Она вышла по любви. Они вместе учились. Я вначале провёл разведку, расспросил, узнал, кто он, откуда, с какого корня возрос, и только после этого свое согласие дал. Семья у них небольшая. Двое братьев и мать. Одно плохо – то, что все вместе живут. К тому же старший брат женат.

Знаешь, я всегда с красивыми женщинами бываю настороже. В меру своих сил избегаю их, держусь на расстоянии. Возможно, боюсь влюбиться. Не верю, что они могут меня полюбить, и нет у меня веры в их преданность. Словом, всю жизнь сторонюсь их. А жена старшего брата в этой семье была красавицей, обворожительной. И красота бывает разной. Ее красота была призывной. Стоит как цветущее деревце перед тобой. Призывает: гляди на меня, видишь, какая я красивая. И даже я, будучи таким настороженным, не мог от нее отвести глаз. Все ее обожали. Она была веселой, смеющейся, ласковой, нежной. Но при этом, увы... была чересчур свободной. Домой являлась поздно, а бывало, что и вовсе не приходила, якобы уехала в командировку или осталась у подруги. Подумай только, муж дома, а жена с работы не вернулась. Наступает ночь, а она заявляет, что переночует у подруги. Ну, что ты об этом думаешь? Муж молчит, свекровь молчит. Не буду же я вместо них говорить.

Нет, не говорю, что раз она поздно с работы приходит, то что-то происходит. Но ведь у всего на свете свой порядок. И если, к примеру, ты видишь, что на твои поступки нет никакой реакции, то смелеешь, назавтра и вовсе не остерегаешься. Все мы такие. Надо вовремя взять такого человека за руку, остановить, сказать, что это неправильно, надо себя вести так, а не иначе, надо по прямой дороге идти.

Наконец я не выдержал. К окончанию рабочего дня пошел к её служебному входу – один раз, два раза, три раза – все стало ясно. То, о чем я подумал, подтвердилось. Долго думал, так и этак судил-рядил, как мне поступить, что делать? Ведь дочь моя в этом доме проживает. С невесткой она ходит то туда, то сюда. Если пятеро ни о чем не подумают, то разве одному человеку в голову не придет мысль – мол, и она такая же. Кого убеждать?!

Наконец я сказал дочери – или в этом доме должны остаться вы, или семья твоего деверя. Не заставляйте меня, чтоб я скандал затеял, забрал тебя домой. Дочь моя стоит в растерянности, поверить не может. И потом, это ведь непросто, я сам понимаю. Понял я, она не станет вмешиваться, тогда я обо всем рассказал ее свекрови. Она тоже что-то промямлила.

Ну, что мне тебе голову морочить, словом, прошел еще месяц. Ничего не изменилось, все протекало в прежнем русле. Только изменилось отношение ко мне. Стоило моей дочери и свекрови увидеть меня, как выражение лиц их менялось. Будто это я в их дом вношу беспокойство.

Знаешь, да, никто не хочет быть плохим человеком. И мать, и брат или еще кто – зачем им другим создавать беспокойство? Если сама поймет – то поймет, а не поймет, душа ее в аду сгорит. Пусть так и живет. Думаешь, как же этот человек сам выносит такое состояние вещей – ведь кто-то может за спиной ее судачить, показывать пальцем...

Дело принимало другой оборот. Оказывается, все именно так и поступают – за спиной судачат, никто бедняжке в лицо правду не говорит. Если бы я это дело сам не начал расследовать, а услышал со стороны, возможно, поступил бы по-другому. Но назад пути не было. Я поймал самого парня и все ему выложил. Он ответил: «Не вмешайтесь в мои дела». Не спрашивает, это правда или ложь. «В мои дела не вмешайтесь». Я ему ответил, что это не только твое дело, поскольку моя дочь тоже живет в этом доме. Я не позволю, чтобы назавтра и о моей дочери такие слухи пошли. Если бы вы жили в другом месте, то да, это было бы вашим делом. Насильно посадил его в машину и отвез к служебному входу ее рабочего места. Вышла, села в «Жигули» кизилового цвета. Я сказал, хочешь, поедем за ними. Покачал головой, мол, нет. А сам побелел, как бумага. Говорю ему: «Вечером спросишь, где она была. Вероятно, опять скажет, что у подружки». Он промолчал.

Посреди дороги остановил машину, сказал, что выходит. Сколько я ни просил, мол, давай отвезу тебя куда надо. Не согласился. Хлопнув дверцей машины, вышел. Затем, как ты думаешь, что он сделал? Повесился! Ну что про такого сказать? Глупец! Раз он себя убил, осмелился это сделать, значит, поверил в измену жены. Ну, поверил, а себя чего убивать? Будто так он отомстит ей, чтоб девушка пожалела о содеянном. Что толку? Сейчас, вероятно, и кости его сгнили... Может, даже никто и могилу-то его не посещает. Если б я был на его месте, не приведи Господь, я бы ей глаза выколол. Или – развелся. А себя зачем убивать? На поминках жена плакала в три ручья. Кто не был посвящен в суть дела, мог подумать, как же сильно она любила своего мужа. Ну и я не лыком шит. Отметили сорок дней. Родные немного поуспокоились. Оказавшись с ней наедине, я все ей рассказал – как все получилось, как я доложил её мужу об измене жены, как он побледнел, – все рассказал. Она заплакала, и как только меня не обозвала, обругала. Будто это я виноват. Ну что ей сказать? Затем она, собрав свои вещи, ушла в родительский дом. Уж не знаю, где она, чем занимается. И к чему мне это знать? Что, сходишь? Разве мы приехали? Я могу тебя подвезти, куда надо, обо мне не беспокойся. Ну, хорошо, как знаешь. Но как-то, ты поторопился...

Однажды весной

Весной я всегда ошибаюсь с погодой. Но стоит мне заболеть, как я, тут же спохватившись, начинаю вновь тепло одеваться. Одним словом, это происходит тогда, когда уже поздно. И теперь, хотя и пекло солнце, я вновь напялил на себя пальто. Но что толку. Одно дело – надевать его, чтобы не заболеть, другое – чтобы выздороветь. Сегодня я чувствую себя совсем плохо. Расхворался не на шутку – всего меня трясет. И потому, отпросившись с работы, я возвратился в общежитие. А там меня ждало безлюдье, ребята еще не вернулись с работы. В такие моменты мной овладевает беспокойство, все мне кажется, что поезд всех забрал, а я на перроне остался один-одинешенек.

Я нетерпелив по характеру, не могу ждать. Если на работе скажут: опорожни две машины с железом – соглашусь. Но если скажут: выходи во двор и при этом ори во всю мочь через каждые десять минут – не смогу. И потому мне не место на кухне. Каждую секунду то и дело поднимаю крышку чайника, чтоб проверить – не кипит ли, а он, как назло, и не думает закипать.

Из окна кухни видно метро. Между домами и метро – степь в обрамлении холмов. Здесь проходит железная дорога. Электрички, проносящиеся мимо как бы вне времени и пространства, издают звуки, похожие на тайные звуки чего-то для меня неведомого.

– Привет, брат!

Поскольку я на этот этаж перебрался недавно, то пока здесь многих не знаю. Вначале мы жили в этом общежитии этажом выше, и наше кухонное окно, так же, как это, выходило в степь. Наша комната была продуваема сквозняками и, следовательно, зимой в ней было нестерпимо холодно. Но при этом включать обогреватели не разрешалось, поскольку они «пожирали» много электроэнергии. Хорошо, что нам все же, хоть и с трудом, удалось поменять комнату на другую, этажом ниже, да еще окнами на юг. Сюда рука ветра не дотягивается. В комнате нас трое. И все мы пришли на завод в одно и то же время. Мы были почти сверстниками, и между нами не было разговоров о том, кто старше, кто младше, кто что мог, то и делал. Годы нас сблизили, мы так хорошо уже знали друг друга, что на мелочи не обижались.

С тех пор, как я стал работать на заводе, для меня самое трудное – просыпаться по утрам. Летом еще ничего, солнце поднимается рано и потому мне и самому хочется встать на заре и подышать свежим воздухом. Но зимой, стоит мне проснуться на звонок будильника, как тотчас я вспоминаю – холод, ветер, ненастье, – и сразу же сон становится таким сладким, что и сто человек вместе не смогут меня прельстить сладкой ложью о том, что в мире произошло нечто прекрасное.

Ребята, по собственному опыту зная о муках недосыпания, иной раз уменьшают звук будильника. Они все ждут, чтобы во мне хоть раз в жизни заговорила совесть, и я встал бы раньше них, зажег свет, вскипятит чайник и заварил чай, словом, все привел в порядок, затем и они бы встали. На все эти утренние сборы уходит минут десять. Но дело в том, что эти десять минут понежиться в постели стоит дорогого. И к тому же за десять минут сон человека сам-с собой улетучивается. И когда уже слышишь позвякивание стаканов, блюдец, то золотистый чай-мехмери становится уже слаще сна, и ты в мгновение ока вскакиваешь с постели. И тем не менее, каждое утро повторяется одно и то же – ребята ждут, а я просыпаюсь позже всех, ссылаясь на свою сонливость. Но и спать уже не могу, боясь опоздать на работу. Они же, что-то бормоча себе под нос, лежат в своих постелях, не шевелясь. Но, не дождавшись меня, вновь кто-то встает первым, и когда я чувствую, что чай уже готов, открываю глаза, будто только что проснулся, сонно оглядываюсь. Они же, не сдержавшись, смеются. Что мне остается, я тоже в ответ им сонно улыбаюсь. Никто ничего не говорит, они ведут себя так, будто не ведают о моих маленьких утренних хитростях.

И хоть я уже почти привык к своей новой комнате, к новому этажу, но каждый раз, когда спешно вскакиваю с кровати и бегу умываться, то вначале по инерции путаюсь, считая, что нахожусь на другом этаже. В старом месте я никогда не видел уборщицу.

Когда мы просыпались, то коридор, туалет и умывальник были уже чистыми. Но с тех пор как мы перешли сюда жить, я каждое утро сталкиваюсь с женщиной в черном халате. И каждый раз она чистит то умывальник, то туалет. Никто из старожилов не замечает ее, копошась по утрам. И потому они возле этой уборщицы чувствуют себя свободно, как возле вещи, и, не стесняясь, при ней непристойно шутят друг с другом и даже переругиваются. Но я с первого же дня проживания здесь никак не мог свыкнуться с этим.

Женщина была хорошо осведомлена о том, когда просыпаются обитатели этого общежития, и потому она, по моему мнению, могла бы при желании эту свою работу выполнять или раньше, или чуть позже. Но удивительным было то, что и женщина не обращала внимания на ребят, будто она была глуха, слепа, ничего не видела, ничего не слышала. Опустив голову вниз, молча исполняла свою работу. Теперь и я, глядя на нее, как и другие ребята, старался «не видеть» её. Но стоит мне утром вновь познакомиться с ней, как тотчас теряюсь, затем злюсь, затем смущаюсь.

Когда после смены мы выходили с завода, то не ждали друг друга. Но иной раз, когда погода благоволила, мы встречались у входа на завод, чтоб вместе сделать покупки в магазине, на базаре. А зимой мы пулей устремляемся в общежитие, поскольку выходим с завода, искупавшись, и потому боимся простудиться. И тот, кто приходит первым, сразу же ставит на огонь чайник. Напившись горячего чаю, согревшись – мы начинаем думать об ужине. Но от усталости нам бывает лень идти за продуктами в магазин. После длительных препирательств о том, чья сегодня очередь идти на базар, мы садимся играть в домино. Тот, кто проигрывает – тому и идти, а кто в выигрыше, тот остается дома, в тепле, бек-беком, палец о палец не ударяя. А тот, кто первым вылетает из игры, выполняет черную работу по дому – подметает, моет посуду, выносит мусор. Иной раз наша игра в домино так затягивается, что на базар идти уже поздно, и в конце концов проигравший встает и идет в магазин, чтоб купить колбасы, консервов и, если нам того хочется, то и бутылку вина или водки. А после того, как поедим и попьем, усталость берет свое, и тогда мы бросаемся на свои кровати, и тут начинается разговор по душам. Каждый вспоминает эпизоды из своей жизни, о которых он нам еще не рассказывал, или же на которые он некогда поверхностно намекнул, но на этот раз собрался рассказать об этом подробно, обстоятельно. После наших душевных бесед нам начинает казаться, что мы никогда не сможем друг друга предать, не сможем отдалиться. Наши откровения понемногу стихают, и мы незаметно проваливаемся в сон, а затем вдруг, открыв глаза, обнаруживаем, что уже – утро, надо спешить на работу...

Вначале я собирался попить чаю и залезть в постель, пропотеть. Но после чаепития почувствовал, что я и без чая, вроде, уже ничего, иду на поправку. Вскоре должны прийти ребята. Надо вновь поставить чайник на огонь, чтобы к их приходу он вскипел. А может, мне и поесть им приготовить? Удивить их! Ребятам это бы понравилось. А как же! Они же вернутся с работы голодные, усталые и вдруг увидят, что на столе дымится вкусный обед.

Представив себе радость ребят, я порылся в шкафу. Но, увы, ничего в нем не обнаружил. Взяв в руки сетку, решил отправиться на базар, поскольку у меня все равно не хватало терпенья усидеть дома в теплый весенний день.

Дорога, ведущая к базару, была безлюдной. Базар располагался, вроде, недалеко, но оттого, что дорога была ничем не примечательной, она утомляла. Видимо, поэтому, когда мы упоминали про базар, то все затыкали уши. В городе нам приходилось топтать в двадцать раз дальше, но мы, тем не менее, не уставали. Это оттого, что дороги в городе занимательны – живописные дома, толпы людей в различных одеяниях, с различными жестами, походкой.

Вот и базар. Весной человеку чего больше всего хочется? Конечно, зелени. Наполнив сетку зеленью, луком-картошкой, вышел с базара. И хоть я был не прочь еще немного погулять, но с полной сеткой в руках не очень-то разгуляешься.

С какого-то двора выбежал ребенок, а за ним женщина. Устав бежать за мальчиком, женщина остановилась у ворот:

– Ариф, Ариф, остановись, подойди ко мне!

Ребенок, обернувшись, хитро посмотрел на мать, не решаясь подойти к ней. Затем подошел, но не близко, и остановился в трех шагах от нее.

– Как ты можешь говорить матери такие слова?

Ребенок не был похож на того, кто впервые произносит эти слова. Вероятно, из-за этого мать не раз его отчитывала. Это читалось по его губам, готовым в любую секунду вспыхнуть смехом, по его горячо вскипающим озорством глазам.

Так что стоит ему отойти на пять шагов, как он вновь повторит эти слова. И женщина это знает, и в ее глазах прячется затаенная от мальчика улыбка.

Черты этой женщины отчего-то мне показались такими родными, знакомыми. Я не мог оторвать от нее глаз под впечатлением некоего нежного чувства, связанного с далекими воспоминаниями. Роясь в памяти, я пытался вспомнить, откуда я её знаю.

Вдруг я вспомнил свое детство, маму, свой сад. Тутовое дерево, веером раскинувшее свою крону над крышей нашего дома, вспомнил людей, которые в ту пору меня окружали в моей Вселенной, и которых некто свыше незаметно затем прибрал к себе... Как же она походила на мою мать.

В это время женщина, подняв голову, взглянула на меня. Наши взгляды встретились, и я непроизвольно поздоровался. И каково же было мое удивление, когда она ответила на мое приветствие, и только тогда я понял, что я действительно ее знаю. И в тот же миг перед глазами у меня в рассветных лучах раннего утра возникло лицо женщины в черном халате, моющей наш туалет. Это была та самая женщина. Я, замедлив шаг, вновь взглянул на женщину уже более внимательно, на женщину, которая резиновым шлангом мыла наш туалет, на женщину, возле которой мы, не стесняясь, по-всякому выражались, которую не замечали; и я не находил ничего общего между этой женщиной в зеленом платье и женщиной, моющей наш туалет резиновым шлангом, я не видел также ничего общего между ней и моей матерью. Она не была на нее похожа. Казалось, в один миг ее облик изменился.

Шагая по пыльной дороге, я чувствовал себя неловко, злился на себя. Каждый день встречался с ней и впервые только сейчас поздоровался. Завтра я вновь увижу ее в черном халате, моющей метлах, увижу ее, слышащей наши непристойные шутки.

Подойдя к развилке дороги, я оглянулся. Женщина, взяв за руку ребенка, уходила в дом. Теперь я уже не различал ни ее лица, ни ее голоса. Вновь вспомнил мать – далекое воспоминание из детства.

И вдруг мне показалось, что если я внимательно всмотрюсь во встречные лица людей, то увижу в них сходство с мамой, братом, сестрой. И тогда я не смогу быть плохим по отношению к ним. Вопрос в том – как посмотреть.

И сам не заметил, как ускорил шаги, будто в руках держал лед и боялся, что пока я буду нести его к дому, он может растаять.